

Непрерывность парков

«Львы и гимнасты» – лучшая книга Анатолия Наймана

независимая – 2002 – 12 сент. – с. 9.

анатолий
найман

Владимир Александров

Анатолий Найман. Львы и гимнасты. Стихи. – М.: Три квадрата, 2002, 128 с.

Книга всегда является итогом пути. Не обязательно конечной станцией, может быть просто полустанком или пунктом пересадки. Иначе, книга — остановка по требованию речи. Или остановка речи? Путь продолжается, только изредка в просветах мелькнет то город, то поляна, и остается лишь выхватить из этого вечного движения мгновение покоя.

Чтобы осталось.

Стихи – это и есть такое мгновения покоя. Строчки типографского набора ниспадають с книжных страниц, как знамена в залах славы и траура. Они изъяты из жизни и вы-

ставлены на всеобщее обозрение. Но это высокий покой. Тот самый, что – по известной формуле – дается нам взамен счастья.

А потому критик часто оказывается в положении оценщика в ломбарде, в должности – по другой знаменитой формуле, – излюбленной людоедами. Покой слишком зыбок, чтобы не всколыхнуть его при прикосновении:

*В двадцатых числах августа
жалеть уже нелепо,
что на исходе лакомства
пирующего лета.*

Анатолий Найман выпустил книгу о львах и гимнастах – о невозвратно ушедших теньях прошлого. Когда-то Давид Самойлов предлагал «года, как чемоданы», оставить на вокзале. Для Наймана такой альтруизм был бы по меньшей мере странен. Он поэт центристский, он хочет безраздельно владеть временем:

*Если маленькая кукушка
ничего мне не прокукуешь,
это значит, что очень скоро
куковать ты будешь
напрасно –
все равно тебя не услышу.*

Разумеется, слушающий является центром мироздания. В его отсутствие любой акт коммуникации незаконен. Звук напрасен, если он не принадлежит носителю речи. Пусть это эгоизм, но он вполне оправдан. Я, мне, мое – все-

гда агрессивно в качестве действия. Это произвол, но и автор наказуем.

Анатолий Найман – поэту-мемуарист. Отсюда у него странное согласование времен: прошедшее равнозначно будущему, поскольку будущее совершенное и есть прошедшее:

Да что в самом деле

случилось?

*Ну, рад умирать, ну, не рад.
Ведь это от музыки чисел
свобода – не так ли, Сократ?*

Убийственное признание, особенно если учесть, что в роли убиенного – Сократ. Отказ от настоящего страшен тем, что он напрочь вычеркивает тебя из потока жизни. Ты вынужден находиться всегда в какой-то точке, удаленной от настоящего. Но, может, именно в ней и спасение? Найман предпочитает жить взаимы у вечности. Предъявляя свои права на прошлое, он надеется таким образом обрести и будущее.

*А в настоящем
... караульного лая эпоха
злая,
когда простор и лучшие
части себя беря,
пикирует, дыхом драконьим
в одно сплавляя
деепричастие и
родительный – когтября.*

Кажется, что «Львы и гимнасты» – лучшая книга Анатолия Наймана. В ней он наконец освободился от необходимости быть при ком-то и об-

рел себя при себе. И себя без себя. Странное ощущение: в лучших стихах книги поэт растворяется во времени, овеществляя собой его непрерывность. Книга – остановка, вокзал:

*Может быть, себя через
вокзал
свет потусторонний
показал:
дом, который тени
населяют,
чтоб исчезнуть из него куда
кто – и, в бездну канув,
поезда
нам пустое место
оставляют.*

Свято место пусто не бывает, и Найман прекрасно понимает это, даже если «пустое место» самое жизнь, не заполненное трепетом ожидания прошлого в неизбежном будущем. А потому и не хочется быть оценщиком в ломбарде и говорить о слабостях книги. В «Львах и гимнастах» Анатолия Наймана есть главное – львы и гимнасты.

*А значит, книга свершилась.
Эта скорбь – единственная
весть
смерти о себе: что, дескать,
есть.
Не наверняка, но нам
довольно,
потому что если нет,
отъезд –
дым, а то с чего глаза
так ест,
или тромб, а то с чего
так больно?*

● Тоже мгновение покоя.

Фото М.Лемхина из книги «Санкт-Петербург/San Francisco»